

Дмитрий КРАСЬКО

TAXI
TAXI

ХОЗЯИН

Дмитрий Красько

Хозяин

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6356356

Аннотация

Таксист Михаил Мешковский, для друзей – просто Мишок, обладает замечательным даром влипнуть в неприятности, причем далеко не всегда по своей воле. Однажды в его руки попадает некий нож – самодельный, с рукояткой необычной формы и ... встроенным ключом. Нож красив, но Мешковский еще знать не знает, что ключик тот – от сейфа, где держат городской общак, что держатель общака уже переворачивает город с ног на голову в поисках пропажи, что впереди – очередные серьезные разборки, в которых ему предстоит потерять друга, пережить предательство. Впрочем, владелец ножа тоже не знает, что спецназ морской пехоты остается спецназом морской пехоты, даже будучи таксистом. А при поддержке друзей это и вовсе чистый ураган!

Содержание

1	4
2	14
3	35
4	46
5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дмитрий Красько

Хозяин

1

Жара была страшная. Открытые настежь окна ни фигура не спасали. В салоне можно было яйца варить. Вкрутую. Я имею в виду – куриные, окажись они здесь случайно.

Я потел, и работать не хотелось. Хотелось сдохнуть. Я понимал, что это мимолетное. Двадцать восемь лет – совсем не возраст. Вот спадет жара, и снова захочется жить и найти себе женщину. Чтобы сделать ее счастливой. Или наоборот. Как получится. Но пока хотелось сдохнуть.

В поисках альтернативы я принял половинчатое решение. Подыхать не стал, но на работу тоже решил забить. Пусть меня в конце смены сожрет с говном завгар Макарец, которого давеча почему-то назначили ответственным за сбор выручки. Совру чего-нибудь. Например, что клиент сегодня не клевал. Бывает. Зато останусь жив и относительно здоров. Хотя последнее, если судить по звенящему от жары воздуху, было сомнительно. Ну, попытка – тоже дело похвальное.

Просуммировав все это безобразие своим, слегка уже поплавающимся от жары, мозгом, я свернул к автовокзалу. Проехал мимо стоянки такси, где на самом солнцепеке гордо

погибали с десятков таксеров из первого таксопарка, затем – пассажирских платформ, и пристроился под навесом стоянки для ожидающих. Здесь был тенок и градуса на три прохладнее. А самое главное – солнце не раскаляло машину докрасна. Мы, таксеры, народ ко многому привычный, и стойкостью духа и тела можем гордиться. Но ведь открытого огня даже Жанна Дарк с Джорданом Бруной перенести не смогли, правда? А, к примеру, мне, простому русскому пареньку Мише Мешковскому, до них еще топать и топать. И я подвел резюме – решение, принятое мной в данной ситуации, есть единственно верное, по-мужски суровое и обжалованию не подлежит. А посему достал из бардачка книжку, поудобнее откинулся на сиденье и приготовился бить баклуши до самых до девяти часов, когда смена закончится. Если повезет и глаза слипнуться, то и вздремну часок-другой. Настоящему таксеру это завсегда на пользу.

Существовал, конечно, вариант, что к вечеру жара спадет и мне приспичит поработать. Но это был уж больно гипотетический вариант. В настоящем были сорок градусов в тени, книжка и я, удобно откинувшийся на сиденье. И еще – желание пофилонить под благовидным предлогом невыносимой жары.

Правда, невесть откуда нарисовался небритый тип в липкой от пота футболке. Он склонился к раскрытому окошку и поинтересовался:

– Такси?

– А что, не видно? – я ткнул пальцем в потолок. Примерно в этом месте по ту сторону крыши должны были красоваться девять черно-желтых кубиков.

– А чего тут стоишь? Новичок, что ли?

Ну, дурак, натурально. Хотя нет, не совсем дурак. Просто такой же, как я, таксер, только из первого таксомоторного. Автовокзал был их вотчиной, вот он и пришел защищать ее от меня. Перегрелся на солнышке – и пришел.

Мне было потно и лениво, и пререкаться не хотелось совсем. Даже с таким забавным персонажем, как этот небритый. Но – этикет, черт бы его драл. Пришлось отвечать.

– Ты чего – подраться хочешь? Так ты прямым текстом скажи. Вылезу, монтировками помахаем. А нет – так отвали. Видишь, я специально в тенок зашкерился. Поспать хочу, почитать. Передернуть хочу. А ты меня смущаешь! Дуй отсюда, лохматый. Не мешай людям культурно отдыхать.

Взгляд прищельца из угрожающего стал растерянным. Наверное, я слишком много наговорил. На такой жаре его мозг половину слов просто не уловил, а другой половины – не понял.

– Ты смотри, третьему таксопарку тут ручников брать нельзя. Это наше место. А то я Нарзану скажу!

Он выдавил эту речугу, и я понял, что был прав – совсем мозг у пацана в сопли переплавился. Ни хрена он не уловил, о чем только что речь шла. А потому я махнул рукой и снова уставился в книжку:

– Гребни отседа. И скажи своим, чтобы меня больше не беспокоили. Я сюда ночевать приехал, а не клиентов ваших отбивать. Нарзану привет от Мишка передавай.

Нарзан был у них за главного. И с ним можно было иметь дело. Потому что он сперва спрашивал, а уже потом пугал. Если нужно было пугать. Мне несколько раз приходилось пересекаться с ним. Нормальный мужик.

Небритый исчез. Вместе с ним почему-то исчезла легкость бытия. Книжка показалась говном. Бредом сильно перетрудившегося дятла. Я прикрыл глаза и постарался уснуть.

Но, блин, и сна не было! Небритый, падла, все унес с собой. Если бы за это в тюрьму не сажали – убил бы, честное слово.

Я крикнул с досады, вылез из машины и пошел за пирожками. На сытый желудок жизнь кажется веселее, а, главное – засыпается лучше.

На стоянке такси небритый о чем-то стучал Нарзану. Сто пудов – обо мне. Я махнул рукой, Нарзан, узнав меня, махнул в ответ. После чего развернулся и пошел к своей машине, не дослушав коллегу. Тот остался стоять с видом незаслуженно обиженного второклашки. Хотел, понимаешь, директору школы на одноклассников накапать, а тот и слушать ничего не стал, поскольку торопился училку пения в актовом зале обжимать. Как после этого карьеру делать?!

Бабка, имевшая хитрую морду человека, только что обрушившего мировую экономическую систему, хотела впарить

мне три пирожка. Я, будучи не мировой экономической системой, но оголодавшим трудовым элементом, заценил их размеры и взял пять. Охота у старой накануне явно не задалась, начинка ловилась сплошь худосочная, потому и сами пирожки вышли отнюдь не гигантских размеров. Я бы даже сказал – хиленькие какие-то.

Вернувшись в машину, бросил пакет на пассажирское сиденье, достал один пирожок, съел. На вкус он, вопреки опасениям, оказался очень даже ничего. Никаких рвотных позывов. Никаких признаков невинно убиенных собак и кошек. Захотелось съесть еще один. Жизнь стала налаживаться.

Но хлопнула дверца, и на заднем сиденье кто-то завошкался, устраиваясь по-хозяйски. Я удивился, однако второй пирожок кушать не перестал. И тот, кто был за моей спиной, остался этим не очень доволен.

– Трогай, шеф! – потребовал этот кто-то. Голос был шепелявый и гнусный. Или мне так показалось? Просто я не очень люблю, чтобы мне мешали, когда я кушаю.

– Если я потрогаю, он у тебя совсем отвалится, – предупредил я, вынув на секунду пирожок изо рта. Потом запихал обратно.

– Я говорю – поехали, шеф! – к моей шее, чуть пониже правого уха, пристроилось что-то холодное и острое. По ощущениям – нож. Я внимательно ощупал ситуацию мозгом и решил, что в данном случае рисковать не стоит. Пирожок

явно не тянул на то, чтобы я за него жизнь отдал. Недоработала бабка.

Осторожно вынув изо рта огрызок и отложил его в сторону, я завел машину.

– Что ж ты сразу не сказал, что торопишься?

– Да двигай ты, урод! – зарычал шепелявый, и нажим под ухом стал гораздо сильнее. Это была уже прямая угроза здоровью, и я почел за благо подчиниться.

Нарзана и его коллег совсем не заинтересовала чужая «Волга», пронесшаяся мимо с нечеловеческой скоростью. На шепелявое тело за моей спиной они либо не обратили внимания, либо вовсе не заметили. Внезапное изменение моих планов их тоже не смутило. Короче, они не стали выяснять со мной отношения на предмет того, что я увел клиента. При том, что это был как раз тот редкий случай, когда я бы предпочел уступить его. Ну, или на худой конец поиметь дело с ними, а не с острием ножа у меня под ухом.

А шепелявый на заднем сиденье молча, хоть и очень громко, продолжал сопеть в свои две дырочки. А машина meantime продолжала все дальше и дальше удаляться от автовокзала. Куда – непонятно. Последнее обстоятельство вызывало у меня досаду – как любой уважающий себя великий кормчий, я предпочитал иметь хотя бы примерное представление о том, куда рулить. Поскольку шепелявый продолжал хранить на сей счет таинственное молчание, я решил подтолкнуть пассажира сам. А потому осторожно, чтобы не рассер-

дить его ножик, поинтересовался:

– Слышь, командир, – вкрадчиво поинтересовался я. – Ты, вроде, торопился куда-то. Мы не опаздываем, нет?

– Заткнись, урод, – сказал он. – Рули давай.

– Да куда мне рулить?! – ситуация начала помаленьку заводить меня, но нож у шеи пока сдерживал. – Ты перспективы-то обрисуй!

– К скверику вон тому рули, – подсказал он, имея в виду островок древесно-стружечных насаждений слева по курсу.

Это было хоть что-то. Я даже злиться перестал. Подъехал к скверику и припарковался у обочины.

Шепелявый покинул мою машину по-английски, оказавшись при этом огненно-рыжим типом. Ни тебе «здравствуй», ни «прощай». Никогда рыжих не любил. Он только дверцей хлопнул. Быстро, по-воровски огляделся и потопал по аллее в голубую даль. Даже ножик с собой унес.

Я – человек мирной профессии, но мне это не очень понравилось. Понимаю – спешил гражданин. Ножик у шеи подержал. Может, просто словами убеждать не научился. Дефекта речи стеснялся. А с ножиком все было понятно быстро и без слов.

Но ведь нужно и благодарность какую-то иметь. Я его – с ветерком, аккуратно туда, куда он и просил. А он ко мне – задом. Нехорошо.

Нащупав под сиденьем монтировку, я тоже покинул машину и прокричал в его презрительно удаляющуюся спину:

– Слышь, а ты мне бабок за «прокатился» не хочешь подкинуть? Мне много не надо – червончик-другой, чтоб на хлеб с салом хватило.

Вместо ответа он, не оборачиваясь, продемонстрировал мне средний американский палец. Совсем нехорошо.

Думаю, этот самый средний палец и решил дело. Мне, недоевшему пирожок, непоспавшему, отказавшемуся по его милости от отдыха – и такие иероглифы показывать? И я поспешил следом.

А он не убегал. Шел споро, но особой прыти не выказывал. Руки – в карманах, спина – полное безразличие, насколько это возможно. В общем, догнал я его быстро. А догнав, положил руку на плечо, намереваясь развернуть к себе:

– Слышь, а я к тебе личным водилой...

Он сам развернулся. И сунул мне в морду кулак. Молча. Ну, точно – дефект речи, стесняется человек разговаривать.

Я отскочил шага на три назад и ошеломленно потряс головой. Я-то собирался просто поговорить. У меня-то дефекта речи не было.

А шепелявый вынул из кармана нож, щелкнул кнопочкой, выбрасывая лезвие, и слегка пригнулся, растопырив руки. И, наконец, преодолел свое смущение, предложив:

– Ты, урод! Продерни отсюда! Спешу я.

– Так ты мне бабок отсыпь, я и продерну. В любую сторону, – внес я встречное предложение и потер ноющую челюсть. Ничего особенного. Бывало, били меня и побольнее.

И я принял такую же, как у него, стойку. Только вместо ножа в руке была монтировка. При ударе я ее, слава богу, не выронил – хватательные рефлексy в норме. Что вселяло надежду.

Мы слегка размялись, глядя друг другу в глаза и описывая полукруг вокруг воображаемой точки А по окружности В. Потом он пошел в атаку. Ножом вперед. Кондово пошел. Я пропустил его слева, взмахнул монтировкой и треснул по запястью. Нож звякнул о булыжник дорожки, а шепелявый зашипел от боли, вцепившись левой рукой в ушибленное место. Затем боком прыгнул на меня.

Это было довольно неожиданно. Я мог предполагать что угодно – от матов и плевков до отчаянного визга. Даже попытки нанести какой-нибудь маваши-гэри. А он врезался в меня всем телом.

Упали оба. Правда, в разные стороны. Монтировку я выронил, но на ноги вскочил первым – все-таки, ушибом руки не страдал. Чем и воспользовался, разогнавшись и изящно погрузив нос кеда в пах так и не успевшего выпрямиться противника. Достал, кажется, аж до мочевого пузыря. Может, и глубже чуток.

На сей раз шепелявый даже шипеть не стал. Просто остекленел глазами и рухнул на тротуар мордой вперед. Больно, думаю, ему уже не было. Я, все-таки, человек гуманный.

Подобрав с земли его нож, я огляделся. Вокруг успело собраться человек восемь любопытствующих.

– Он же первым напал, да? – громко спросил я. – Вы же

все это видели? Вы все – мои свидетели, правда?

Но свидетели почему-то развернулись и на удивление резко и слаженно принялись рассасываться в разные уголки земного шара. Я огорченно шмыгнул носом и тоже решил рассосаться. Пока не прибежали стражи порядка. Только монтировку, возвращаясь к машине, подобрал.

2

Бабушки все так же впаривали страждущим шедевры мировой кулинарии в собственном исполнении, автобусы – заглатывали расплывшихся от жары пассажиров, знойный полдень – звенел. Парни из первого таксомоторного продолжали героически погибать, но пока без особого успеха – ни одного трупа я, проезжая мимо, не заметил. Единственным дополнением к уже знакомому пейзажу стали два мента, которые вели куда-то живописного бомжа. У того была набитая стеклотарой холщевая сумка и, зачем-то, на голове – шапка-ушанка с распущенными ушами. Бомж был весьма доволен жизнью, шел, растопырив бороду в глупой, зато донельзя радостной улыбке. Сказать то же самое о ментах было нельзя – оба нацепили на морды кислое выражение и старались дышать через раз. Полагаю, что их поднадзорный благоухал отнюдь не лавандой. Кстати, чем он мог их привлечь, я даже предположить не мог. Возможно, мочился в неположенном месте, пугая прохожих видом давно немытой пиписки.

Я пристроил машину примерно там же, где она находилась до появления шепелявого, поскольку чувствовал настоятельную потребность продолжить прерванное занятие. То бишь – доесть пирожки, коих оставалось еще три с половиной штуки. А заодно – привести в порядок расшатанные нервы. Чем и занялся.

Книжка больше не привлекала вообще. Жизнь оказалась интереснее. Я вытащил трофейный нож и принялся разглядывать его. Жевать пирожок, понятное дело, не перестал – одно другому пока не мешало.

Вещица, между прочим, была занимательная. Явно ручная работа, причем, я даже знаю, где такие умельцы сидят. За высоким забором с колючей проволокой. Им там долгими зимними вечерами заняться нечем, вот они балуются тонкой резьбой. Или вышиванием крестиком. Или еще какой херней – лишь бы скучно не было.

Я немало пожил и много повидал. Я видел рукоятки деревянные и металлические, накладные и наборные. Видел в форме барса, рыбки, белки и даже крокодила. Но вот в форме голой полубабы (в смысле – от пояса и выше) – такое со мной впервые приключилось.

Полубаба была выполнена весьма реалистично. Правда, пропорции слегка смещены и сплющены, что для рукоятки вполне простительно. По лицу можно было даже определить, что она азиатка. В двух словах, человек, сотворивший такое, был либо идиотом, либо Микеланджело. Либо и тем, и другим вместе.

Я рубал пирожок и вертел нож в руке. Баловался лезвием, выбрасывая его и втягивая обратно. В принципе, обычная воровская выкидуха, если бы не рукоятка. Так думал я, пока не обнаружил вторую кнопку. Естественно, нажал.

Не знаю, чего я там себе ожидал. Может, что из рукоятки

блохи выскакивать начнут. Или капсула с цианистым калием вывалится. Или джин вылезет – на предмет выполнить мою самую извращенную сексуальную фантазию, благо, их было – хоть отбавляй. Но рукоятка выплюнула всего лишь жало ключа. Желтенького такого, невзрачного. Но у меня при виде этого жала почему-то заурчало в кишках и родимое пятно на левой ноге рассосалось.

Неспроста он там оказался, ой, неспроста. И не по собственной воле так суетился шепелявый, поспешая обратиться с территории автовокзала. А меня, бестолкового, за каким-то лешим обратно принесло.

Я не знаю, сколько я сидел и пялился на этот долбаный ключ. Полагаю, недолго, потому что солнце еще не успело упасть за горизонт. А в себя пришел, когда напротив скрипнули тормоза. Я поднял взгляд и увидел прямо перед собой оскалившуюся в щербатой ухмылке морду моего коллеги и даже, не побоюсь этого слова, корешка – Генахи Кавалериста.

– Ловко я тебя нашел, да, Мишок? – спросил он, весьма довольный собой.

– Угу, – буркнул я, потому что а) я и не думал от него прятаться; и б) в данный момент мне было по барабану его самодовольство. И Генаха, надо отдать ему должное, быстро уловил это.

– Мне Нарзан сказал, что ты здесь ухо давишь, – уже не так самоуверенно сообщил он.

– Угу, – снова промычал я.

– Ты чего-то невеселый какой-то, – блеснул наблюдательностью Генаха. – Что, клиент не прет?

– Хрен его знает, – честно сказал я. – Может, прет, а может, и нет. Зато меня, кажется, совсем приперло.

– А что такое?

Я молча продемонстрировал ему ножик с ключиком.

– И че? – Генаха непонимающе вытаращил глаза, потом снова уменьшил их до нормального размера. – Кажется, чего-то понимаю. Ты где каку взял?

– Если я скажу – сам прискакал, ты ведь все равно не согласишься, правда? Короче, бегал тут один мишугенер шепелявый с этим ножиком. На меня кидался. Наверное, пошинковать хотел. Кубиками. Ну, мяса на зиму наготовить, то, се... Короче, ножик я у него забрал. А в ножике – вот, ключик на пружинке. Только это не самое хреновое, Генаха. Самое хреновое, что шепелявый стопудово убежал от кого-то с этим ножиком. Стырил – и побежал. Понимаешь? Значит, я так думаю, ключик – от квартиры, где деньги лежат, никак не меньше. И еще я думаю, что теперь моя очередь убежать от кого-то. Раз ножик у меня... Только вот от кого? Генаха, как думаешь – меня, когда поймают, долго убивать будут или сразу застрелят?

– Я бы сразу застрелил, – сообщил он. – А то от твоей болтовни свихнуться можно.

– Спасибо, друг.

– Да не за что, – беспечно отозвался Кавалерист. – Ты же знаешь, что я ради товарища в лепешку расшибусь.

– Я догадывался, – буркнул я. – Ты, по ходу, несколько раз уже расшибался.

– Дурак ты, Мишок, – Генаха беззлобно усмехнулся. – Слушай, а чего ты не хочешь этот нож просто хозяину вернуть?

– Тебе уже говорили, что ты гений, Кавалерист? Так ты расслабься. Обманули тебя. Я очень хочу вернуть ножик хозяину, – я тоскливо вздохнул и уставился в потолок. – Только я не знаю хозяина. И я не могу выйти на Центральную площадь с ножиком наперевес с целью найти хозяина. Просекаешь мысль?

– В общих чертах. Менты неправильно поймут, вопросы начнут задавать.

– Эта причина не хуже остальных, – согласился я и заткнулся. Потому что, во-первых, говорить не хотелось, а во-вторых, говорить было не о чем. Ну, это я для себя так думал. Генаха же придерживался несколько иной точки зрения. Повод для продолжения разговора он нашел, особо даже не напрягаясь.

– Ну, ладушки, – сказал он. – Хозяина ты не знаешь. А ментам отдать?

– А зачем? Хозяин-то не будет знать, что ножа у меня уже нет. Так что вряд ли оставит в покое.

– Хорошо, – кивнул Кавалерист. – Но хозяина ведь можно

вычислить.

– Как? – саркастически осведомился я, скосив на коллегу грустный и мудрый левый глаз.

– Понятия не имею.

Ответ поверг меня в шок. Захотелось разрыдаться или, на худой конец, обругать товарища матом. Короче, сделать что-нибудь нетривиальное, чтобы Генаха до самой слепой кишки прочувствовал глубину совершенного им проступка. Но, будучи человеком интеллигентным (местами) и сдержанным (хочется верить), я взял себя в руки, швырнул нож в бардачок, и выдал мало, зато по существу. Хоть и сквозь зубы:

– Я тоже не имею!!!

– Ты тоже не имеешь, – ни мало не смутясь, констатировал Генаха. – Потому что мы с тобой кто? Мы с тобой – лохи! Зато у нас есть друг и соратник Бэк, который со всей местной коза-нострой за руку знаком.

Я оживился. Генаха, конечно, далеко не гений, и уже вряд ли когда-нибудь станет им (если случайно в зону высокой радиации не попадет, что вряд ли). Он все больше по бабам да разного рода хипешам специализируется. Но дельные мысли порой генерировать может – именно потому, что специализируется на бабах и разного рода хипешах.

– Слушай, а Бэк – это вариант! Он сможет узнать, у кого такой важный ножик потянули. Только пока он узнавать будет, меня десять раз найдут и на Запад на органы продадут. Так что мне, Генаха, надо заныкаться куда-то. Желательно,

так, чтобы даже Карлсон с воздуха не нашел. А оттуда, в подпольном порядке, вести розыск Бэка. Правда, я здорово придумал?

Генаха укоризненно покачал головой и очень некультурно уронил окурок на асфальт:

– Елки-палки, Мишок! В городе – миллион народу. В таксопарке – пятьсот водил. А вляпываешься во что-то всегда ты. Ты что – специально на жопу приключения выискиваешь?

– Оно мне надо? – огрызнулся я, обиженный, что он не оценил творческого полета моей мысли.

– А я начинаю думать, что надо. Вот, держи, – он вынул из замка зажигания связку ключей, отстегнул один и протянул мне. – Это от моего гаража. Отсидись пока там. Помнишь, где он? Свет там есть, шконка тоже. В подвале – картохи три мешка, банка огурцов. Бражки бидон стоит. Все удобства, короче. Недельку спокойно прожить можно. Бэка я сам найду. Объясню ему ситуевину, пусть разруливает. Он у нас спец по мафии, ему и карты в руки. Только мы, кажись, не успели, – добавил он и шмыгнул носом.

– Чего не успели? – не понял я. И никто бы не понял, потому что его последняя фраза была совсем не в тему.

– А ничего мы не успели, Мишок, – с неистовой тоской в голосе сказал Генаха. – Мы даже пожить с тобой толком не успели.

– Ты чего сопли... – начал было я, но закончить не успел,

потому что в мое окошко проникла ладошка размером – не совру – с кузов БелАЗа и остановилась аккурат под самым носом. Зато сразу стали понятны и последние слова Генахи, и внезапно обуявшая его недетская тоска. Довершая картину, пропито-прокуренный, но не утративший мощи голос откуда-то сверху потребовал:

– Перо!

– Како перо? – мне вдруг сразу стало туго соображаться. А взгляд как-то напрочь прилип к этой огромной ладошке. – Я ж не орнитолог!

Ладошка молча свернулась в не менее впечатляющий кулак и скупно ткнулась мне в нос. Стало больно и обидно. До слез.

Потом кулак исчез. Но облегчения это не принесло. Потому что сразу вслед за этим дверца распахнулась и мою тушку извлекли на свет божий, сграбастав за отвороты рубахи.

Я оказался нос к носу с мужиком впечатляющих размеров. Или мне так показалось сквозь навернувшиеся слезы? В любом случае – мужик был и повыше меня, и пошире в плечах. Но, что самое обидное – даже волосяной покров на груди имел погуще. Это я увидел отчетливо, потому что его джинсовая рубаха была застегнута только на одну пуговицу – в районе пупка.

– Перо гони, сука! – снова потребовал мужик. – Которое ты у Ржавого забрал!

– Ничего я не забирал, – попытался отпереться я. Кто та-

кой Ржавый, понятно было без объяснений. В моей мифологии он значился под именем Шепелявый. А вот откуда мужик с ладошками от БелАЗа и волосатой грудью от Кардена знает, что я реквизирувал у Ржавого нож? Среди любопытствующих, собравшихся поглазеть на драку, его не было. Я бы запомнил.

– Дурашка, – почти ласково усмехнулся он. – Да мы же за тобой ехали. И Ржавого в сквере подобрали. Так что расслабься – он сам сказал, что ты у него перо подрезал. Гони тычину, бля! – и его громадная мозолистая ладонь придвинулась к моей физиономии.

Я открыл было рот, чтобы уточнить кое-какие детали, но в этот раз он даже слушать не стал, исчерпав лимит слов – просто отвесил мне оплеуху. Со всего размаха. Даже непонятно стало, что его больше интересует – нож или подраться.

А потом мужик вдруг как-то сник. Отпустил мой ворот и собачьей какашкой свернулся на асфальте. Я пару секунд удивленно пялился на него, потом поднял взгляд. И увидел Генаху, который стоял около своей машины, сжимая в руке монтировку и шокируя окружающую среду до неприличия открытой улыбкой.

– Спасибо, – прохрипел я.

– Угомонись, – отмахнулся он. – Пьянка только началась.

И ткнул монтировкой в направлении автовокзала. Я обернулся и попытался проглотить кадык, – слава богу, безуспешно, – потому что оттуда, азартно прижав к черепу уши,

к нам неслись четыре ахалтекинца в тренировочных штанах и человеческом облике.

– Покуражился! – полузадушенным от восторга голосом пропищал Кавалерист и поскакал навстречу ахалтекинцам. Похоже, их желания совпали на все сто.

А вот у меня снова ввязываться в драку почему-то не было желания. Может быть, потому что я не был такой дурной, как Генаха. А может, потому что еще в армии лейтенант Тюменцев, который, лоснясь по груди черно-белыми тельняшечными полосами, учил меня драться руками, ногами, головой и другими частями организма, но советовал заниматься этим пореже. А то – усталость материала, износ нервной системы, амортизация внутренних органов... Неблагодарное, в общем, дело.

Однако, поскольку Кавалерист проскакал уже добрых двадцать метров, размахивая при этом монтировкой над головой и увлеченно гикая, словно пьяный буденовец, увидевший отбившегося от стада Колчака, мне ничего не оставалось делать, кроме как последовать за ним. Получилось, конечно, не так красиво, – поскольку мать природа обделила меня столь впечатляюще кривыми ногами, – но, надеюсь, не менее внушительно.

Ахалтекинцы перестроились попарно и слегка подкорректировали курсы. Двое выбрали мишенью Генаху, а двое помчались ко мне. Я слегка склонился на бегу, как регбист, который собрался выворотить с корнем ворота противника,

потому что затрахался бегать за мячом по полю и хочет в душевую, и с разгону принял на плечо одного из своих визави. Тот как-то по-особому громко сказал «Ф-фух!», взлетел в воздух и загремел, осыпаясь, костями где-то уже за спиной меня, промчавшегося мимо.

С трудом, но достаточно удачно затормозив, я развернулся и заценил обстановку.

С моим вторым противником мы разминулись, и теперь тот тоже закладывал крутой оверштаг. А вот у Кавалериста дела были не очень. Одному из ахалтекинцев он приложил по лбу монтировкой, но тот успел повиснуть на Генахе и теперь активно мешал ему двигаться. К тому же пачкал своей кровью и без того не очень чистую футболку моего коллеги. Второй ахалтекинец, пользуясь ситуацией, кружил вокруг них и профессионально лягался ногами. И по лошадиному, и по-японски. Метил все время в голову, и почти всегда попадал. Правда, не с каждой попытки – в голову Кавалериста.

Генаха, к чести его будет сказано, всюду стремился переломить ситуацию. Но отчаянные попытки освободиться из объятий травмированного ни к чему не приводили. И они продолжали по очереди огревать неслабые подачи в голову.

Тем временем мой второй парнишка оказался совсем рядом и со свистом разрезал кулаком воздух. Врать не буду – в воздух он попал. А больше ничего не успел. Потому что я перехватил его, когда он тянулся за своей рукой, чтобы вер-

нуть ее на место. Но я взял его ладошкой за шею, подтянул к себе и ударил лбом в переносицу. Что-то захрустело, и парень упал на асфальт, поливая его кровью из носа.

Поскольку с моей парой было покончено, я решил, что пришло время помочь ближнему своему. А поскольку в данный момент ближе Генахи – как в моральном, так и в географическом смысле – у меня никого не было, я поспешил туда, где он героически пытался сломать головой тренированную ногу ахалтекинца.

Я хотел сделать им сюрприз, но не получилось. Ахалтекинец оказался парнем наблюдательным, срисовал меня почти сразу и помчался навстречу. Дождался, пока между нами останется метра четыре, крикнул «Ки-я!!!» и сиганул обеими ногами вперед.

Лейтенант Тюменцев – пусть ему никогда паленая водка не попадается и прочих радостей в жизни – учил меня и такой хохме. Чтобы, значит, доски ломать толстые. Но пользоваться ее в деле не рекомендовал. Чтобы, скажем, на бабу впечатление произвести, когда женихаешься – это да. А в боевой обстановке – ни-ни. Потому что летящий человек – очень неустойчивый человек. Толкни его в полете, даже чуть-чуть – и хрен он нормально приземлится. Ну, я и толкнул.

Ахалтекинец, воплощая в жизнь заветы Тюменцева, приземлился ненормально. На четыре мосла, как и подобает коню. И пока он собирался с мыслями, стараясь принять верти-

кальное положение, я подбежал и стукнул его пяткой в ухо. С разворота. Вообще-то, Тюменцев и с разворота бить не рекомендовал, – слишком долго перегруппировываться, – но уж больно ситуация благоприятствовала. Я и не удержался. Главное – все получилось. А с победителями взятки гладки.

А Кавалерист таки стряхнул с себя травмированного. Правда, ценой собственной монтировки. И теперь они увлеченно катались по асфальту, сжимая друг друга в объятиях. Спорю – оба в этот момент плохо соображали, где они находятся и что делают. После стольких-то профессиональных ударов в голову.

У Генахи было преимущество – монтировкой по черепу получил не он, а его противник. И Генаха этим преимуществом воспользовался – подмял ворога под себя и принялся с увлечением вдавливать ему кадык в район затылка. Меня, оказывается, тоже захватил азарт боя, я рванул к ним и принялся суетиться рядом, выскивая ребра, в которые можно было бы пнуть.

Пнуть мне не дали. Ни в ребра, ни еще куда. Невесть откуда набежали четыре мента во главе с конопатым лейтенантом, который важно, словно орел крыльями, хлопал погонями и все время увлеченно дудел в свисток. Рефери хренов. Еще бы «Брэк!» крикнул.

Один мент сразу метнулся к Генахе, схватил его за волосы и за ворот и, хоть и не без труда, стащил с травмированного. Кавалерист пытался вырваться и все время тянулся к про-

тивнику, словно младенец – к сиське. Но мент был посвежее, и у Генахи ничего не получилось.

Впрочем, то, что делали с Генахой, я бы назвал лаской. По сравнению с тем, что происходило с травмированным. За того принялись сразу двое, рывком подняли на ноги и принялись оказывать первую помощь путем заламывания рук.

Пока я любовался слаженными действиями стражей порядка, конопатый лейтенант подкрался ко мне с фланга, сильно дунул свистком в ухо и, пока моя контузия не рассосалась, произвел контрольный выкрик в голову:

– Стоять! Ни с места! Руки на затылок!

Я поковырялся пальцем в ухе, пытаюсь извлечь звон, и с интересом посмотрел на летеху. Выполнять его идиотские требования почему-то даже в мыслях не было.

– Это что за кавардак? – спросил лейтенант уже на порядок спокойнее.

– Где кавардак? – не понял я.

– А я вот тебе сейчас покажу, где кавардак, – заявил он и ткнул пальцем в Кавалериста. – Вот кавардак!

Генаха еще не отошел от горячки боя и все так же маслянисто блестел глазами. В остальном, правда, он выглядел неважно. Лицо было опухшее и в кровоподтеках. Один глаз, не смотря на воинственный блеск, быстро заплывал. Но называть его за это «кавардаком», по моему мнению – явное излишество.

– Это не кавардак, – вступился я за товарища. – Это Ге-

наха Кавалерист. Его просто немного попортили.

Лейтенант сжал свисток зубами и засвистел мне в ухо. Подозреваю, что сей процесс доставлял ему чисто физиологическое наслаждение. Если с женщинами не везет, так хоть со свистком побаловаться... Чисто по-человечески его можно было понять. Но я подобного удовольствия не испытал. Башка наполнилась нестерпимым звоном, и конопатый мент сразу перестал мне нравиться. При том, что и раньше-то не очень.

– Ты мне Маньку не валяй! – потребовал он.

– Маньку? – уточнил я, снова выковыривая пальцем звон из головы.

– Маньку! – подтвердил он. – Я вот сейчас тебя в ИВС на трое суток закатаю – будешь там про лошадей травить!

– Я не про лошадей травлю, а про Генаху! – огрызнулся я. – У него прозвище – Кавалерист.

– А чего это твой Кавалерист такой непотребный?

– Говорю же, попорченный он! – я совсем разозлился. – Побили его, понимаешь? Тюк, тюк – и все в дыню.

– Именно – в дыню! Какого хрена его побили? Почему здесь драка завязалась между вас и этими?! Быстро отвечай, не задумываясь!

– Да пожалуйста, – устало вздохнул я. – Мы кушали, а эти хуцпаны напали на нас. Внезапно, натурально. Как подлые команчи.

Мент повернул голову слегка вбок и как-то искоса и очень

подозрительно уставился на меня:

– Ты ничего не курил? Какие команчи, ты что несешь?

– Я ничего не курил, – терпеливо объяснил я. – Я кушал. Если не веришь – посмотри в машине. Там пирожки должны еще остаться. Вкусные. Могу дать попробовать.

Один из ментов, тот самый, что удерживал Генаху от продолжения военных действий, хрюкнул и подтвердил:

– Точно, Вова. Я сам видел, как он пирожки покупал.

Лейтенант смерил его недовольным взглядом и пробурчал, правда, уже достаточно миролюбиво:

– «Видел»! Знаю я, как ты видишь, когда связываться в лом! А мы вот сейчас вместо пойдем и посмотрим, какие там пирожки окажутся. – Он заглянул мне прямо в глаза, а через них – в душу, думая, что я напрочь испугаюсь, но я испугался не напрочь. Между нами, я вообще не испугался. – И не дай бог, их там не окажется! Ты понимаешь, на что я намекаю?

– Какие дела, лейтенант Вова! Чтобы я – да не понимал этих намеков? Сто пирожков – и ты своими глазами видел, что мы в драке не участвовали. Идет?

Летеха поспешно схватил меня за локоть и подтолкнул к машине.

– А вот это мы сейчас выясним, – буркнул он. И, оказавшись у машины, первым полез выяснять. Шустрый, как рука онаниста. Впрочем, осмотр его не порадовал. Обрато он вылез с весьма недовольным видом. – Ну? И где тут пирожки?

Промасленный бумажный пакет по-прежнему лежал на переднем сиденье, и я готов прозакладывать свисток этого самого лейтенанта Вовы – он его прекрасно разглядел. Но это были неправильные пирожки. Он такими питаться не привык.

– Что, не видно? – сочувственно спросил я. – Закатились, наверное, куда-то. Дай-ка я поищу.

Мент послушно отодвинулся и на всякий случай напомнил:

– Сто пирожков, ты помнишь, да? Пересчитай, чтобы один к одному, как в аптеке. Тогда мы с тобой мирно поговорим.

Я протиснулся мимо него, заглянул в кормушку и сразу обнаружил искомое – не очень свежие и совсем не хрустящие, на сгибе даже слегка потертые, сто рублей. Вид пирожка, который больше других нравился лейтенанту.

Я выпрямился и неприметно, одними пальцами, протянул купюру в сторону мента. Тот проявил чудеса акробатики, и так же неприметно принял ее. Потом вывихнул глаза, пытаюсь разглядеть достоинство банкнота, убедился, что все в порядке и заныкал денежку в карман.

– Ровно сто пирожков, лейтенант Вова, – заметил я. – Как договаривались.

Мент смерил меня тяжелым взглядом с головы до ног, и я поежился – а ну, как заберет меня сейчас за дачу взятки должностному лицу при исполнении? Но он только строго

проговорил:

– Смотри-ка, точно сто. Не соврал.

– А то. Я вообще редко вру. Только по выходным и будням. Ну как – не будешь нас с Генахой в отделение забирать? С этими нехорошими людьми сам разберешься?

– А за что вас забирать? – он нахмурился еще больше. – За поедание пирожков мы в отделение не забираем. Мы закон блюдем, у нас с этим строго. Муха не пролетит.

– Верю, – вздохнул я.

Мы вернулись к общей группе, и лейтенант на всякий случай обвел присутствующих пристальным взглядом. Присутствующие, тоже на всякий случай, глаза отвели.

– Все верно, – твердо, как Ленин с броневишка, сообщил мент. – Пирожки в наличии присутствуют, а значит, он не врал. Осталось только выяснить одну деталь в этом странном обстоятельстве. – И он хитро посмотрел на меня. Настолько хитро, что мне снова подумалось – плакала моя бедная сотня. И упекут меня лет на несколько вот такие же ножички с резными рукоятками строгать. – Для чего они решили совершить на вас нападение в преступном виде?

– А я знаю? – удивился я с облегчением. – Меня бить начали, а не мотивы рассказывать.

– Та-ак! – гнусно протянул лейтенант и повернулся к Генахе. У того взгляд уже остыл и соображалка, судя по всему, вернулась на место. – А ты? Мысли есть?

Генаха шмыгнул носом, вырвал у мента руку, за которую

тот все еще держал его, и потер морду пятерней:

– Может, тачку забрать хотели?

– О! Дельная мысль! – оживился лейтенант. Но тут же снова сник. – Хотя нет. Говно мыслишка. Из возраста вышли.

– Тогда бабки, – Генаха сделал еще одну попытку.

– О! Вот это точно дельная мысль, – снова оживился лейтенант. – На бабки всякий поведется.

– Меня уже можно отпускать? – уточнил Генаха.

– Можно, – важно кивнул лейтенант, и его подчиненный сделал от Кавалериста шаг вправо, всем своим видом показывая, что отныне к этому человеку никакого отношения не имеет. – Заявление писать будем?

Он почему-то посмотрел на меня. Но я переадресовал его взгляд Генахе – все-таки, его сторона пострадала больше. Особенно фасад.

– Да ну его к черту, это заявление, – проворчал Генаха, разминая запястья. – Все мозги высосут. Ну, подрались – и подрались. Нормальное дело.

– Хозяин – барин, – хмыкнул лейтенант. – А в обезьяннике они у меня все равно посидят. Нечего покой мирных граждан мордобитием нарушать. – И, сняв с пояса рацию, забормотал в нее: – Третий – восьмому. Третий – восьмому! Пять человек на крытую стоянку. Прием.

– Понял, – прохрипела рация в ответ. – Пять человек на крытую стоянку.

– Мы можем идти? – спросил Генаха.

– Ага. Если можете, – сказал мент и заржал. Глупо и по лошадиному. Кроме него, ржать никто не стал. Даже младшие по званию. Сообразив, что спорол чушь, лейтенант резко заткнулся и уставился на своих. – Ну, что стоите? Упаковывайте граждан. Они с нами. До конечной.

Мы с Генахой синхронно развернулись и потопали к своим машинам. Только он монтировку по пути подобрал. Хе, как я совсем недавно в скверике! Только там меня шепелявый немножко меньше попортил. Впрочем, с шепелявым я был один на один, так что особо гордиться нечем.

У машины Кавалерист грустно посмотрел на меня единственным работоспособным глазом и сказал:

– Я домой, Мишок. Отработался. Минут через пятнадцать шары, наверное, вообще заплывут. Ничего не увижу. Надо не забыть Рамсу позвонить – пусть подъедет, машину заберет. – Рамс был сменщиком Генахи.

– Извини, – сказал я.

– Брось, – отмахнулся он. – Сегодня – я тебе, завтра – ты мне. Мы же в связке. Только Бэка тебе самому искать придется. Объяснишь ему, что почем, хоккеей с мячом...

– Объясню, почему не объяснить, – я пожал плечами. – Объяснялку пока не оторвали.

– Какие твои годы? Оторвут еще. Верной дорогой двигаешься. – Подумал и добавил: – Похоже, Мишок, крупно ты влип. Ты это... Оборачивайся почаще. Как бы кого лишнего за спиной не оказалось. Ладно, бывай.

– Побываю, – я вздохнул. Совершенно искренне, кстати сказать.

Генаха, кряхтя, уселся в свою машину, развернулся и уехал, махнув мне рукой на прощанье. Я проводил его взглядом, подумал и решил, что мне тоже не мешало бы переместиться подальше от автовокзала. Какой-то он был негостеприимный сегодня, если вы понимаете, о чем я.

И, отъезжая, не смог отказать себе в удовольствии – посмотрел в зеркало заднего вида. А в нем показывали захватывающее кино про то, как менты деловито собирали с асфальта наших недавних противников.

3

Искать Бэка наудачу в миллионном городе было все равно, что забивать гвозди отбойным молотком. Я никогда не делал второго, и я не собирался сейчас заниматься первым. Потому что был несколько выше этого. В интеллектуальном смысле.

Я знал одно – на обед Бэк придет в кафе «Золотое Зеро». Во-первых, потому что там вкусно готовили. А во-вторых, потому что там обедало подавляющее большинство подвижного состава третьего таксомоторного. Если, конечно, не случался загородный рейс. Но загородные рейсы – событие редкое, иной раз его по месяцу ждешь, поэтому я надеялся, что нынче Бэка чаша сия минует. И, следовательно, мне удастся пересечься с ним. Бэк бы мне, конечно, за такое пожелание благодарность не объявил, поскольку «дальняк» – дело выгодное и вообще мечта любого таксера, но у меня были серьезные основания. Разве нет?

Однако до обеда оставалось еще без малого два часа, и за эти два часа меня могли закопать, откопать и еще раз – контрольный – закопать. И все из-за какого-то проклятого ножика с ключиком. О котором я, между нами, девочками, говоря, до сих пор знал до обидного мало. Только то, что при первой возможности мне за этот ножик отвинтят башку. От этого знания, впрочем, не было никакой выгоды – только

мурашки на затылке время от времени.

Забавно, но осознание существующего положения вещей неожиданно вдохновило меня на трудовые подвиги. Все равно два часа до обеда нужно было как-то убивать. А машину, безостановочно мотающуюся по городу, гораздо труднее локализовать, чем стоящую где-нибудь в отстойнике. Я, между прочим, лишний раз убедился в этом буквально только что – на автовокзале. В общем, я решил немного поработать. На благо третьего таксомоторного и, чуть-чуть – на себя, любимого. А потому запрятал мысли о ножике подальше, выбрался на большую дорогу и принялся шарить глазами по обочине, привычно выискивая протянутую руку страждущих.

Долго искать не пришлось. Я и двухсот метров от автовокзала отъехать не успел, как увидел его – мужика с пятью баулами. Пыхтел, сопел, надрывался, но самоотверженно вперед, изображая мула. Какого черта он не подцепил какого-нибудь парня из первого таксопарка – ума не приложу. Я сбросил скорость до позорных десяти километров в час и пополз вдоль бровки, с интересом разглядывая фаната пеших прогулок.

Тот услышал шум и обернулся. Сообразив, что я, собственно, такси, необычайно обрадовался, побросал на асфальт баулы и призывно замахал рукой. Словно боялся, что я его таки не замечу и проползу мимо. Я еще больше удивился – совсем нелогичный дядька, однако. Но все-таки остановился.

– Довезешь? – натужным от надежды и усталости голосом спросил он.

– Нет, – хмыкнул я. – Сейчас вот портрет твой нарисую и дальше кататься поеду. Садись. Для чего я, по-твоему, оставливался?

Он побросал свою поклажу в багажник, сел в машину и, откинувшись на сиденье, счастливо выдохнул:

– Королева, 27.

Я недоверчиво хмыкнул. Если он собирался переться пешком до самого финиша, по такой жаре и с таким количеством баулов, то он либо штангист, либо идиот. Штангистом дядька не выглядел, поэтому я решил остановиться на втором варианте. Дядька, между прочим, подтвердил мою догадку, сообщив:

– Вот я дурак! Вылез на автобусной остановке – думал, быстрее получится. Полчаса ждал – ни одного моего автобуса!

– До Королева двадцать шестой маршрут ходит, – заметил я. – У него конечная через пару остановок отсюда.

Дядька хрюкнул и проглотил язык. Так и просидел молча до самой улицы имени знаменитого академика, всю переживая свою оплошность. Я, впрочем, был не в обиде – разговаривать не хотелось. Мозг был оккупирован ножиком. Он, проклятуший, не смотря на героическую попытку забыть его, из головы упорно не шел. И я постоянно думал то о нем, то о предстоящем разговоре с Бэком.

Высадив дядьку в его глухомани, я развернулся и поехал обратно, поближе к густонаселенным местам. И неожиданно наткнулся на клиента, хотя совсем не ожидал встретить его здесь в такое время. Потому что встретить пассажира в спальном районе в разгар рабочего дня – это примерно как на «зеро» поставить и выиграть. Вполне реально, но не очень вероятно.

Однако тощий парнишка, стоявший у группы деревьев, на поверку оказавшейся замаскированной остановкой общественного транспорта, при виде желтой «Волги» с многообещающими черными квадратиками на крыше и по периметру, взмахнул рукой.

– В аэропорт отвезете? – поинтересовался он, когда я тормознул у его ног. При этом оказалось, что парень, хоть и тощий, но далеко не выюнош, а мужичок, причем изрядно за тридцать. Я это вычислил по солидным морщинам и длиннющим усам телесного цвета. Усы не торчали, а висели под носом соплями, поэтому я и не разглядел их сразу.

– Мила-ай, – протянул я. – Я за бабки и в Африку отвезу.

– Не-е, – смущенно проблеял он. – В Африку не надо. Надо в аэропорт. Я за женой сбегая, подождете?

– Беги, – я пожал плечами. – Я счетчик включил. – И таки включил его.

Усатый рассосался. Я зачем-то снова вспомнил про ножик и бегло осмотрелся. Но тут же одернул себя – так и до паранойи недалеко. Какого черта? Я в другом конце города, в

одном из множества спальных районов. Нужно быть телепатом шестого, ресторанного разряда, чтобы вычислить меня здесь. А уж в аэропорту, до которого добрых двадцать километров – тем более. Так что пока все складывалось довольно удачно.

Клиент появился минут через пять. С тремя дорожными сумками за спиной и с огромной бабой одесную. Баба была раза в три больше него, лет на десять постарше и вообще производила впечатление асфальтоукладчика. Короче, игра контрастов на полную катушку. Я даже сплюнул три раза в окно. На всякий случай. Не дай бог такое – и со мной.

Они устроились на заднем сиденье, и я тронулся.

– Нам в аэропорт, – сказала баба шалашинским басом. Зуб даю – если бы окна по случаю жары не были открыты, их бы повышибало звуковой волной.

– Ваш муж говорил, – смиренно заметил я. С обладательницей столь замечательного голоса отчего-то хотелось пребывать исключительно в самых добрых отношениях.

– Умница, мусик! – проговорила она и взасос, насильно, поцеловала мужа. Просто взяла пятерней за морду, подтянула к себе и прижала к своему рту. Чистый вампир. Я не выдержал и еще раз сплюнул в окошко. На сей раз – от легкого омерзения, охватившего меня при виде такой картины.

Мы быстро миновали кварталы микрорайона, пустынные по случаю рабочего времени суток, и выбрались на бульвар Героев-Молодогвардейцев. Здесь я слегка поднарушил пра-

вила, набрав восемьдесят, но моя совесть промолчала. Все-таки, центральная магистраль, движение одностороннее, четыре полосы. Собственно, здесь даже гаишники не особенно напрягали таксеров. Если те, конечно, не борзели. Впрочем, восемьдесят километров борзостью не считались. Это, как бы сказать, был рубеж между борзостью и благоразумием.

Короче, я ехал вперед и даже про ножик не думал. Я, если честно, вообще ни о чем не думал – мозг, никого не спросив, решил взять тайм-аут. И пребывал в этом блаженном состоянии минут пять – до тех пор, пока мимо со свистом не пронеслась бледно-розовая «Волга» с такими же, как у меня, опознавательными знаками.

Тайм-аут резко закончился. Не потому, что бледно-розовый автомобиль априори похож на галлюцинацию Сальвадора Дали, а потому, что на нем ездил Бэк – тот самый мой коллега, в котором я нуждался в данную минуту больше, чем в деньгах. В защиту Бэка надо сказать, что он цвет автомобиля не выбирал – гонял на том, что подсунули. И, поскольку ходовые качества у его погремушки были более чем в норме, на эстетическую сторону вопроса попросту плевал. Предпочел наслаждаться скоростью и маневренностью, которые очень уважал. Единственный, пожалуй, минус – ему было сложно отмазываться перед гаишниками за многочисленные лихаческие выкрутасы. Попытки сделать круглые глаза и сказать – это, мол, не я, меня на месте нарушения вообще не было, это кто-то другой, потому что мало ли в городе бледно-розовых

«Волг» – были обречены на провал. Потому что, откровенно скажу – в городе не то что «Волг» – вообще никаких автомобилей такого позорного цвета, кажется, не было. Эти соображения слегка сдерживали лихаческую натуру Бэка. Впрочем, только слегка.

Коллега уносился по крайней левой полосе со скоростью изрядно за сто, и я, хоть и с некоторым запозданием, вынужден был принять его условия игры. В конце концов, это я искал Бэка, а не он меня. Я даже больше скажу – вряд ли он идентифицировал мою машину в общем потоке, пронесшись мимо на такой скорости.

Короче, я тоже перестроился в крайний левый ряд и притопил педаль газа. Достать Бэка было задачей непростой – тот оторвался уже на добрую сотню метров. Но я мужественно старался сделать это. Отчаянно теребя при этом ручку переключения света. А ну, как Бэк приметит, что я сигналю ему дальним и остановиться поинтересоваться, какого рожна мне нужно?

Неожиданно оказалось, что монументальная тетка на заднем сиденье – вовсе не какой-то бесстрашный мамонтозавр, а довольно трусливая личность, от более-менее быстрой езды впадающая в панику. Пока я мечтал о том, чтобы Бэк обратил внимание на мои световые сигналы, она сгребла своего мусика в охапку и запихала его морду промеж своих необъятных титек. Тем самым давая понять, что мои сто тридцать на спидометре – несколько многовато для ее ранимой

нервной системы. Гоголю в данный момент, понятное дело, взгрустнулось, ибо куда делся русский с любовью к быстрой езде и т. д., но я тетке сперва не поверил. Потому что не может человек столь могучей комплекции чего-то бояться. По определению. Но когда она заговорила, понял, что ошибался. Теткин бас дрожал, через каждый звук норовя сорваться на фальцет. Выходило не очень мелодично.

– Вы куда-то спешите? – спросила она. – А мы еще жить хотим!

– Мадам! – с чувством и очень твердо, чтобы дать ей понять, что все под контролем, отозвался я. – Вы не поверите! Я тоже жить хочу. Потому и спешу.

Теткин мужик попытался извлечься из душного пространства между титьками, потому что ему там было пыльно и нечем дышать. Но тетка была сильнее, и у него ни хрена не получилось. Слегка потрепыхавшись для видимости, он снова затих. Может быть, она ему череп раздавила, но, скорее всего – просто смирился. Из чего я заключил, что моя попытка успокоить пассажирку успехом не увенчалась.

– Я вашему начальству пожалуюсь! – пригрозила она.

Я слегка разозлился. Ехать со скоростью ста тридцати км/ч, лавируя между «чайниками», при этом пререкаясь с ней – занятие нудное, утомительное, к тому же чреватое последствиями. И я прорычал сквозь зубы:

– Да бога ради! Номер телефончика продиктовать?

Тетка заткнулась. Наверное, мой тон продолжению бесе-

ды не способствовал. Теперь она только злобно зыркала на меня посредством зеркала заднего обзора, да все время гладила мужа по голове. С такой силой, словно хотела скатать волосы у него на затылке в войлок. Может быть, так оно и было. Может быть, войлок на голове – это последний писк моды. Я не знал.

И уточнять не стал. Потому что Бэк, наконец, заметил подаваемые сигналы, включил поворотник и остановился у левой бровки. Я повторил его маневр и, припарковавшись метрах в пяти, вылез из машины, напрочь игнорируя теткинны недобрые взгляды. Бэк тоже выбрался наружу. Весь такой светящийся удовлетворенностью и с лицом, как луна.

– Наше вам еще раз, – сказал он, подойдя ко мне, потому что утром мы уже виделись в гараже. – Чего звал?

– Зачем нам ваше? – буркнул я. – Нам и своего девать некуда. Дело есть.

– Что-то серьезное?

– Кажется, так. Кажется, у меня с мафиками терки образовались.

– Ну, ты даешь! – хохотнул он. – Ты своей смертью точно не подохнешь! В двух словах получится?

– Не-е, – я отрицательно мотнул головой. – Даже в трех не сумею.

– Тогда давай минут через полчаса у «Золотого Зеро». Расскажешь, чё-кого, а заодно похаваем. А то я сейчас немного занят. Мне парняг надо к барыгам доставить. При-

перло их коксом заправиться, а в городе явок не знают. За город едем. Лады?

– Лады, – вздохнул я. Бэк был в своем репертуаре. Возился со всякой шушерой. Хотя сам, насколько я знал, сильнее анаши ничего не пробовал и пробовать не собирался. Но ему нравилось водиться с темными личностями. Почему – бог весть. Впрочем, таксерам это иногда бывало очень выгодно – к примеру, когда нужно было разрулить проблему вроде моей сегодняшней.

Он вернулся к своей машине и резко стартовал, отчаянно заверещав резиной по асфальту и едва не оцарапав бок какого-то крутого джипа. Хозяин которого, между прочим, высунулся в окошко, замахал кулаком и матерно заругался. А потом попытался догнать Бэка. Ха! Мечтатель. Ему, наверное, проще было выступить самовыдвиженцем на Нобелевскую премию по математике. И победить. Бледно-розовая «Волга» растворилась в голубой дали еще до того, как владелец джипа наступил на педаль газа. Бэк не любил тратить время даром.

Я понуро вернулся на свое рабочее место и поехал довершать начатое – доставлять клиентов в аэропорт.

Тетка за моей спиной звериным взглядом уже не блестела. Она даже мужа своего на волю выпустила. Который, как я и предполагал, был жив живехонек, хотя и слегка помят. Но не задохнулся и даже травмы черепа каким-то чудом избежал. Теперь сидел, откинувшись на сиденье и не мог надыхать-

ся – настрадался, бедолага, между титек-то. Мне бы за него порадоваться, да что-то не радовалось. Все ножик проклятуший. Единственное утешение – тишина, царившая в салоне. Но и та продлилась недолго.

– Все вы, таксисты, такие! – заунывно затянула тетка совсем не тем впечатляющим басом, каким поразила меня в начале поездки. – Вам бы только полихачить да денег с пассажиров побольше слупить! Вот на сколько ты сейчас наговорил? Счетчик-то работает! На сколько рублей, а?

– Мадам! – устало возразил я. – Я на рубли не наговариваю. И на доллары тоже. Я даже на тугрики не наговариваю, потому что я их все очень уважаю. А если вы за свой кошелек переживаете – ставьте ему на ночь горчичники. Мне мамка в детстве ставила – отменно помогало.

У аэропорта все было, как всегда – минимум народа, максимум машин и ни одного самолета. Самолеты, потому что, были все в небе, а народ попрятался в зданиях терминалов, позорно побросав машины на стоянке. Удивительного, впрочем, в этом было мало – в терминалах было прохладнее, там работали кондиционеры.

Через зеркальную дверь туда всосались и мои недавние пассажиры. В итоге на всей огромной привокзальной площади осталось только четыре человека. Два негра на крыльце, которым сорок градусов в тени были, что слону – дробина, потому что они в своем Занзибаре и не такое видали; брюнетка, трепавшаяся о чем-то по телефону-автомату (дура, натурально – как будто нельзя было найти такой же в одном из терминалов; впрочем – ее проблемы. Может, она тоже из Занзибара или уже схватила солнечный удар и теперь ей все по фигу); да я, сердешный, который хотел было уехать сразу, но потом решил покурить, выбравшись на свежий воздух. К тому же брюнетка скоропостижно завершила разговор и теперь направлялась в мою сторону, мелко и быстро перебирая ногами. Довольно стройными, к слову. Я это разглядел отчетливо – на девице было очень сексуальное платье, короткое и в обтяжку. Даже до середины бедер не доходило, так что я мог оценить ее ходовые качества во всех подроб-

ностях.

Чем ближе она подходила, тем аппетитнее выглядела. И тем глубже становились мои затяжки. Мысль, что она пройдет мимо и сядет в одну из машин за моей спиной, я с негодованием отмел. Хотелось, чтобы она подошла именно ко мне. Я принял вальяжную позу, облокотившись на распахнутую дверь, и стал ждать. Нервно, повторяю, затягивая кубометры дыма. Закончилось все тем, что она остановилась напротив и облив меня теплом из своих лучистых глаз, слегка улыбнулась. Скромняжка. Прелесть. Я, одной мощной, восхищенной затяжкой добив бычок, щелчком отбросил его в сторону, весь готовый к разговору.

– Вы свободны? – спросила она голосом, от которого мое либидо восторженно заворчалось в штанах. Однако я не стал сразу падать на колени и задаром впаривать ей руку и сердце. Главным образом потому, что года четыре назад уже имел неосторожность сделать такую глупость. Тогдашняя обладательница лучистых глаз и волшебного голоса и руку, и сердце забрала, не раздумывая. Мне бы, дураку, сразу насторожиться этой ее поспешности, и чтобы да – так нет. В результате я вынужден был больше трех месяцев прожить в официальном браке. И мне не понравилось. Последние два месяца, во всяком случае. Поэтому на сей раз я решил перестраховаться.

– Смотря для чего. Жениться – не женюсь. Не нравится мне это дело. Танцевать тоже не пойду. Не умею. Колоколь-

чики мешают.

– Да нет, – она нервически хихикнула. Видимо, смутилась. – Вы, как таксист, свободны?

– Для вас – в любое время. – Я вдруг вспомнил, что уже очень скоро в известной кафешке меня будет поджидать Бэк. Для разговора, который, между прочим, нужен именно мне. И, значит, пропускать оный никак нельзя. Поэтому я тяжело вздохнул и с видимым сожалением вынужден был огорчить обладательницу столь прекрасного набора женских прелестей: – Только не сейчас. Сейчас я кушать хочу. – Потом подумал и, чтобы совсем уж не выглядеть подонком в ее глазах, добавил: – Если интересуется, кушать поеду в «Золотое Зеро».

Брюнетку, как ни странно, это заинтересовало. Она по-детски хлопнула в ладошки и сказала:

– Ой, как здорово! Спасибо вам большое!

После чего обошла меня с фланга и устроилась на заднем сиденье.

Я слегка обалдел от такой непосредственности, но решил – почему нет? Если ей по пути... У любого таксиста случаются дни, когда клиент цепляется за клиента. Не успеешь высадить одного, как за углом с поднятой рукой тебя поджидает следующий. Замечательные, спешу заметить, дни. Когда они случаются, работать – одно удовольствие. И я подвел итог – сегодня у меня именно такой день. Правда, дурацкий нож слегка смазывал картину, но о нем я почему-то вспом-

нил лишь мельком. В башке царственно расположилась сексуальная брюнетка с солнечным взглядом.

По пути из аэропорта в город пассажирка попыталась просверлить в моем затылке дыру. Глазами. Прекрасными. Своими. Сидела, и с маниакально-депрессивной настойчивостью пялилась в него. Я время от времени посредством зеркала бросал на нее вопросительные взгляды (может, сказать что хочет?), но она на это внимания не обращала. Сидела и тарасилась. Я почувствовал легкое расстройство желудка. Не дай бог, влюбилась. Этого еще не хватало.

Километров через десять мне надоело следить за ней. Влюбилась – ее проблемы. Потом телефончиками общаемся, сообразим, что дальше делать. В одном я был уверен наверняка – до чего бы мы с ней не договорились, а женить меня на себе у нее все равно не получится. Дохлый номер. Я третья рыбка, меня на мякине не проведешь.

Еще километра через три, когда мы свернули на проселок, по которому до города, а вместе с ним и до нужного мне «Золотого Зеро», было не больше пяти минут езды, она полузадушено проговорила:

– Остановите, пожалуйста.

Я снова взглянул в зеркало заднего вида и, резко ударив по тормозам, поспешил остановиться у обочины. Потому что прекрасной брюнетке в данный момент изрядно взбледнuloсь, и она целилась глазами уже не в мой затылок, а куда-то себе под ноги.

– Чур, в салоне не блевать! – поспешно предупредил я. Как-то не очень вдохновляла картинка, на которой я злобно заставляю красавицу, мечту онаниста, вычищать внутренности автомобиля, пострадавшие в результате ее внезапного приступа морской болезни. В некотором роде я таки джентльмен. Если вы понимаете, о чем я.

Брюнетка, впрочем, блевать не стала, хоть и согнулась в три погибели, стоило машине остановиться. Вместо этого она принялась усердно шарить по полу, причем ее платье задралось гораздо выше дозволенного максимума.

– Что-то потеряли? – поинтересовался я, поправив зеркало, чтобы безнаказанно пялиться на заголившееся аппетитное бедро.

– Да, – глухо донеслось с заднего сиденья. – Кольцо золотое. Меня папка за него убьет.

– Папка? – уточнил я.

– Да. Это семейная реликвия. Куда-то сюда закатилось.

– Может, помочь? – мне, почему-то, вдруг захотелось оказаться поближе к соблазнительной ноге. Ничего особенного, просто инстинкт продолжения рода.

– Если не трудно, – пропыхтела она.

Я не стал отвечать. Глупо потому что. Ежели бы мне было трудно, ежели бы, к примеру, на ее месте сидела предыдущая пассажирка, то хрен бы я предложил свою помощь. Я бы не только зеркало на ее бедра наводить не стал – я бы машину хрен остановил. Наверное. Я, все-таки, на редкость

человеколюбивая тварь. Впрочем, даже если бы остановил, то задницу от сиденья не оторвал – точно. Даже оголилась она полностью, о чем, между нами, даже подумать страшно.

Но на заднем сиденье сидела не давешняя необъятная баба, стырившая у Шаляпина его замечательный бас (а может, и что другое, под одеждой не разглядишь), а вполне соблазнительная брюнетка, которой я сам предложил помощь. И ее «если не трудно» – не более чем формула вежливости, не требующая ответа. Она ведь не знала, с какой целью я замыслил перебраться поближе к ее ногам (надеюсь). А потому я молча открыл дверь и переместился назад.

Брюнетка увлеченно продолжала поиски, даже не посмотрев на меня. Пользуясь моментом, я бессовестно пялился на оголенную ногу, пытаюсь разглядеть заодно и вторую, а в идеале – всю нижнюю половину пассажирки. Пальцы при этом вяло шарили по полу, имитируя бурную сыскную деятельность. Нога брюнетки, кстати говоря, пахла возбуждающе.

Увидеть вторую ногу мне не удалось. Видимо, я недостаточно активно передвигал свои пальцы по полу, и это показалось ей подозрительным. Она подняла голову, слегка разогнулась и уставилась на меня.

Мне стало немножко неловко. Не люблю, когда меня ловят в тот момент, когда я подглядываю. Поэтому я чуть-чуть покраснел, сглотнул комок в горле и объяснил свое поведение просто и с достоинством:

– Я это... Нога такая красивая...

– Я понимаю, – томно (гадом буду!) проворковала брюнетка. После чего нагнулась ко мне и, придерживав ладошками за уши, чтобы я, значит, не вырвался и с перепугу не убежал куда подальше, легонько поцеловала в губы.

– Е-мое! – выдохнул я. – Намек понял! – и целиком забрался в салон.

А чего, в самом деле? Не в первый раз я пал жертвой клиентки. Пусть и не с такой откровенной прямоотой, но с периодичностью примерно раза в месяц со мной такое случалось. Бабы – они ведь тоже почти люди. И на эту тему голодные бывают. Или просто ненасытные. Мало ли.

В общем, намерения пассажирки меня не удивили. Несколько неожиданным выглядел способ, которым она решила добиться своей цели. Но, в конце концов, какая разница? Тем более, что меня этот способ вполне устраивал – не надо тратиться на кафешки и цветы. Не надо тратить несколько часов – а то и дней – на то, чтобы якобы совратить женщину. Притом, что на самом деле и я, и она вполне понимали бы, что на самом деле совратителем являюсь не я.

Брюнетка решила действовать на порядок честнее – бурный секс с поправившимся человеком в его машине – и адье. Ни писем, ни звонков, ни напрасных выяснений отношений в последующем. Зато какие останутся воспоминания! Опять же, будет, что рассказать внукам под старость лет...

Меня, повторюсь, вполне устраивало такое развитие со-

бытий. Я тоже хотел, чтобы под старость лет было, что рассказать внукам... Пардон, внукам. Если таковые появятся, конечно. Для начала нужно было собраться и как-нибудь на досуге сбавить хотя бы одного родителя этим самым внукам.

Но это так. Из планов на будущее. В настоящем были похотливая брюнетка и я, целиком, хоть и на четвереньках, забравшийся в салон. Лучистые глаза звали, оголенные ноги призывно белели, и мне не оставалось ничего другого, кроме как поцеловать вожаемое бедро. С обратной его стороны. При этом я, сами понимаете, сподобился разглядеть вторую ногу.

Брюнетка сладострастно содрогнулась – что ей, ноги никогда в жизни не целовали, что ли?! – и переместила обе ладони мне на макушку. Я еще раз поцеловал бедро, на сей раз повыше, и поднял взгляд к его основанию. Ну, то есть, натурально, исполнил свою мечту – обозрел всю нижнюю половину пассажирки.

Эта половина меня не разочаровала. Даже при том, что оказалась не вполне откровенна со мной. В том смысле, что на самом интересном месте была прикрыта трусиками. Однако трусики были полупрозрачными и почти ничего собой не скрывали. Кроме того, их обладательница явно не имела ничего против того, чтобы избавиться от них. Чем я и занялся. Она при этом с готовностью приподнялась на сиденье, облегчая мне работу.

Пришла пора переходить к чему-то большему, чем про-

сто целование ног. Что с того, что машина стоит на дороге? Что с того, что стекла не тонированные и любой, при желании, сможет рассмотреть, что там, внутри, происходит? Разве это главное? Два человека, на пару не разменявшие и полтинника, пали жертвой внезапного порыва страсти. И решили разобраться с проблемой на месте. Это ведь не преступление? А ежели преступление, то пусть приходит милиция нравов и привлекает нас к ответственности по всей строгости капиталистической законности.

Я, отчего-то, был твердо уверен, что этого не произойдет. А до встречи с Бэком время еще есть. Во всяком случае, нам на порцию любви хватит.

Милиция нравов к нам и в самом деле не пришла. Но и без ее помощи все закончилось, как в нехорошей сказке – на самом интересном месте. Меня, с наполовину спущенными штанами и ко всему, как пионер, готового, какой-то злой мишугенер взял за лодыжки и вынул из салона, как вынимают мешок картошки из товарного вагона. И я, охреневший от происходящего, натурально, тем самым мешком хлопнулся на посыпанную щебенкой обочину. Хорошо – успел подставить руки и сохранить целостность физиономии, а то уж совсем обидно было бы.

Сильные руки злого мишугенера, сделав свое черное дело, исчезли из поля моего тактильного (вот я умный! Какие слова на стенах школьной уборной вычитал) мировосприятия. Я остался лежать на обочине, постепенно приходя к выводу, что все происходящее – какое-то неправильное. Не должно так быть, в самом деле. Только что я готовился принять порцию секса, но тут пришел какой-то урод и помешал мне. Обидно это. И несправедливо. С осознанием такого положения вещей во мне народился гнев. И желание набить морду уроду. Даром, что я лежал, имея и штаны, и трусы в районе колен. В гневе я страшен – и в трусах, и без трусов.

А потому я вскочил, – очень ловко и быстро, прошу заметить, – развернулся и сказал:

– Ну что за херня! Да я порву, как...

После этого я говорить перестал. Потому что понял, что упираюсь лицом в чей-то гранитный живот. Сам я парнишка не сказать, чтобы маленький, – метр восемьдесят с небольшим вершком, – поэтому сие открытие меня неприятно поразило. Если мое лицо – на уровне его живота, то на каком уровне его лицо? Вопрос немаловажный. А ну, как он истолкует мое восклицание, как личное оскорбление (чем оно, на самом деле, и было), и решит поучить меня литературному русскому? Я не желал учиться литературному. По крайней мере, не у этого учителя. А потому отступил на пару шагов назад, уперся спиной в железо автомобиля и обзрел своего визави в полном объеме.

Объем впечатлял. Два с лишним баскетбольных метра, бочкообразная грудь и мощные руки. Все это добро было упаковано в замечательно дорогой белый костюм и увенчано коротко стриженной головой с самодовольной ухмылкой на самом видном месте. Впрочем, не спорю – он имел полное право так лыбиться. Мне же ничего не оставалось, кроме как тоскливо натянуть сперва трусы, а потом и брюки.

– Салют, смертничек! – прогудел гигант.

– Салют, – пробурчал я, взясь с неподатливой молнией на штанах. – Чтоб я так жил – и чтобы да, так нет... Ты кто – местный терминатор?

– А что? Похож? – он еще сильнее выкатил грудь. Стало реально страшно – а ну, как заденет? Сотрясением мозга не

отделаешься.

– Не то слово, – я, наконец, справился с ширинкой. – Больше, чем фотокарточка. Шварценеггер грустно чешет харю. Костюмчик, небось, на заказ шил?

– Само собой.

– Небось, дорого обошелся?

– На хлеб с маслом осталось. А чего это ты так за мои финансы распереживался?

– Да плевал я на твои финансы, – с похвальной откровенностью сообщил я. – Просто сообразить пытаюсь, откуда ты взялся.

– А вон из той тачки, – он махнул рукой в том направлении, откуда приехал и я. Мощно так махнул. Не совру – меня чуть порывом ветра не опрокинуло. Но я устоял. И даже посмотрел в ту сторону, куда он указывал.

И клацнул с досады зубами. Там, метрах в двадцати пяти-тридцати, маскируясь под цвет асфальта, стоял седан системы «Вольво». Имея за лобовым стеклом еще двоих седоков. Может, конечно, их было и больше, но я разглядел только двоих. Впрочем, количество роли не играло. Как и тот факт, что с маскировкой у седана получалось хреноваستنенько. Но свою задачу он выполнил – подкрался ко мне бесшумно и незаметно, и высадил десант, который, в свою очередь, провел весьма удачный рейд по моим тылам. Так что «Вольво», по большому счету, можно было хоть в серо-буро-малиновую полосочку разрисовывать. Мне от этого легче не ста-

нет.

– Понятно, – вздохнул я. – А ты, вообще, кто будешь? Блюстителитель нравственности?

– А я могу с правой, – спокойно сообщил гигант. – Могу и с левой. Ты разницы не почувствуешь.

– Не надо с правой, – возразил я. – И с левой не надо. Я тебе верю. Ты именно по мою душу?

– Угадал.

– А как узнал, что меня именно здесь искать надо? Мы же почти в лесу. Почти в глухом. Так не бывает.

– Вот ты гонишь! – заржал он. – Мы-то здесь! Значит – бывает. Ты оглянись, братан! Видишь эту матреху?

Я обернулся и посмотрел в салон. Получилось не очень, потому что я стоял вплотную к машине. Брюнетка не потрудилась переместиться поближе, а мне нагибаться, чтобы заглянуть в ее лучистые, мать их, глаза, почему-то не хотелось. Позвонком чуял – чреватое. Хотя, если разобраться, гиганту никакой выгоды не было нападать на меня сзади. Он и без того был хозяином положения. Я, к примеру, даже спорить с этим не собирался.

Короче, от брюнетки я увидел только два окорочка, на которые недавно повелся, как сом на лягушонка. Платье на них было уже одернуто, куда подевались трусики – бог весть. Я положил их рядом с окорочками, на сиденье. Но сейчас там было пусто. Спрятала улику? Гиганта, что ли, застеснялась? Так это глупо – он, пока меня из машины извлекал, наверня-

ка все, что нужно рассмотреть успел. Но не это важно. Важно было другое – именно брюнетку имел в виду гигант. И я не нашел ничего лучшего, кроме как буркнуть:

– Ну?

– Это наша матреха! – горделиво поделился гигант.

– Ну?! Повезло вам. Красивая матреха. Я-то грешным делом подумал, что она нимфоманка.

Гигант пару-тройку секунд тупо пялился на меня, потом, сообразительный такой, расплылся в улыбке.

– Не-е! Она натуралка. Это она тебя нашла. И до нашего приезда здесь продержала. Здорово, правда?

– Бесподобно, – подтвердил я. – Как разное гениальное. Как круглое колесо. – На этом месте гигант свернул ладошку в кулак и продемонстрировал мне. Выглядело внушительно. Поэтому я поторопился вытянуть открытые руки в его сторону. – Все, все. Заткнулся. Мне только одно непонятно. Как вы узнали, в каком месте она меня затормозит?

– Братан! – гигант расслабился и даже кулак разжал. – Да наши по всему городу на васоре. Ищут тебя и перо. Ты хоть в курсе, что за игрушку ты у Шепелявого отmel?

– Дурацкую игрушку, – сказал я, мимоходом отметив, что у привокзального хуцпана был неплохая коллекция кличек. Как жен у моряка – в каждом порту новая. Сперва Ржавый, теперь Шепелявый. Между прочим, захотелось погордиться – для себя я его так и обозвал еще при первой встрече. Но потом гордиться расхотелось – собственно, что тут странного?

С его-то тридцатую тремя шипящими буквами на все случаи жизни? Не Левитаном же его обзывать, в самом деле. – Что это за игрушка – баба с ключиком? Озабоченный кто-то делал, да?

– Дурак ты, братан, – сообщил мне гигант. – Этому ключику цены нет. Твое счастье, что ты не в теме. А то у меня было указание мочить тебя, если что не так. – Он немного подумал и бесшабашно махнул рукой: – Да какая разница, братан? Я тебя все равно замочу. Даже если все нормально будет. Даже если ты будешь ласковым, как плюшевый мишка. Я это дело люблю. Веришь, нет?

– Чего ж не верить? – буркнул я. – Верю.

– Что ты там спрашивал? Как мы узнали, куда ехать надо? Да все просто, братуха! Эта матреха тебя в аэропорту срисовала, сообщила, кому надо. А дальше – дело техники. У нее в заколке – маячок, у нас в машине – радарчик. Мы ж не лошье, в натуре. Ты даже не представляешь, с кем связался.

Он стал благодушным и болтливym, этот огромный мишугенер, который запросто мог стать чемпионом-супертяжем и превратить Тайсона в набор фрикаделек. Или, к примеру, знаменитым центровым, чтобы в составе нашей сборной рвать на тряпочки разных Майклов Джорданов и Мэджиков Джонсонов. Но он решил спустить в унитаз свое блистательное спортивное будущее. И все ради того, чтобы однажды встретиться со мной вот здесь, в нескольких километрах от города. Лестно, конечно. Но мне-то эта встреча ничем хоро-

шим не грозила.

И еще гадко было сознавать, что я лопух и даже немножко больше. Я-то думал, что брюнетка треплется по телефону под палящим солнцем, потому что дура или, как минимум, на солнце перегрелась. А оказалось, что она в это время сдавала меня каким-то хуцпанам, как бомж – стеклотару. Иными словами, выходило, что дурак – я, а совсем не она. Взгрустнулось.

– А можно так, чтобы не убивать меня насовсем? – спросил я гиганта. – Я ножик отдам. Я его не поломал даже. Ключик выдвигается. И бабу я не домогался.

– Гы! – сообщил он мне на это. – Ножик и так наш будет, никуда не денется. А тебя я все равно убью. Из любви к искусству. По-другому никак.

– Что, совсем, да? – грустно спросил я.

– Абсолютно, – подтвердил он. Потом вынул из-за спины ПМ и загнал патрон в ствол. Мне слегка заикалось. А гигант совсем растаял, великодушно предложив мне: – Ты, как еврей, молиться, конечно не умеешь. Только я добрый. Гони сюда нож и можешь перед смертью песню любимую спеть. Вместо молитвы. Ну, эту... «В семь сорок ты приехал, в семь сорок ты уехал». – Он попытался это спеть. И даже станцевать. И то, и другое получилось отвратительно. Он и сам это заметил, поэтому стал немного угрюмее. – Или «Гавана киллар».

– «Хава нагила», – автоматически поправил я.

– Чего?

– «Хава нагила». Только я не еврей, ты таки ошибаешься.

У меня акцент от страха появляется.

– Все равно пой, пока я добрый, – и он устоял на меня совсем недобрым, вопреки словам, взглядом.

Я слегка подумал об эту проблему. Выходило – пока я буду петь, я буду жить. Не самое приятное открытие. При таких условиях и Кобзоном стать недолго. И это при том, что в армии мне отцы-командиры даже строевую петь запрещали, чтобы не разлагать неокрепшую психику сослуживцев. Мол, с такими вокальными данными через меня ни один вражеский танк не пройдет, потому что танкисты со смеху передохнут. Не самая лестная оценка. Зато объективная.

Гигант выглядел покрепче вражеских танков. Относительно его психики я вообще никаких иллюзий не испытывал – скорее всего, она просто отсутствовала. Оставалось одно – петь. И я начал накачиваться кислородом, как ни поганно мне при этом было. Забыв, что предварительно от меня потребовали ножик. Но, кажется, я выглядел настолько забавно, что и гигант про ножик забыл, с веселым изумлением наблюдая за моей дыхательной разминкой. Скотина! Можно подумать, что сам пел, как Паваротти. У него даже «Семь сорок» хреново получалось, а я, между прочим, целого «Варяга» петь собирался.

Петь, слава богу, не пришлось. Из-за изгиба дороги на бешеной скорости вылетела бледно-розовая «Волга». Един-

ственная на всю нашу огромную область. Я с облегчением выдохнул и посмотрел на гиганта. До этого момента мимо не проезжала ни одна машина, так что мне было любопытно увидеть его реакцию на ее появление. Моя-то мне была вполне ясна – машина не только появилась, но и привезла с собой Бэка, а с ним – солидных размеров надежду. Впрочем, появление Бэка на этом относительно глухом участке дороги только на первый взгляд выглядело чудом. Он, как и я, отвозил своих клиентов за город, откуда и возвращался – вполне естественно, выбрав для этого наиболее короткую дорогу. Совпадение было лишь по времени.

Гигант, понятно, про Бэка был ни ухом, ни рылом. Однако лишних глаз, как оказалось, не хотел. А потому приставил ствол к моей ширинке и посоветовал:

– Хочешь лишних дырок – рывнись.

– Таки нет, не хочу, – возразил я.

– Разумно, – похвалил он меня. – Значит, улыбаемся и делаем вид, что мы влюбленные.

Захотелось возразить, что я в такого гориллу даже после литра водки в одно мое лицо влюбиться не смогу, но язык отчего-то прилип к губам. Наверное, он был умнее меня, и сообразил, что искушать судьбу еще не время. Возможно, этим самым сохранил мне жизнь, за что ему отдельное спасибо.

Между тем Бэк, видимо, заметил мою фигуру и, как истинный художник, сообразил, что в данном натюрморте что-то неправильно. Пропорции, скажем, нарушены. Или пер-

спектива искажена. В общем, смутило его что-то. И он начал тормозить, не доезжая до нашей группы метров пятидесяти. Но, поскольку летел он на добрых ста тридцати, этого расстояния ему все равно не хватило – машину тупо пронесло мимо, так что пришлось применять хитрый прием «разворот управляемым заносом».

У Бэка получилось. Он вообще был безбашенным – Бэк. Нормально ездить не умел по определению. А вот такими штучками-дрючками владел в совершенстве. Его «Волгу» развернуло так аккуратно, что хоть в Парижский музей мер и весов заявку подавай. И, не успела машина остановиться, мой коллега вывалился из нее.

Скорость была уже совсем никакая, так что его кувыркнуло по асфальту только один раз. И то без последствий – успел сгруппироваться, предусмотрительный, словно Кутузов в Филях, и ловкий, как колобок. После чего он оказался сидящим на одном колене, с пистолетом в вытянутых руках. Гигант, с недоумением наблюдавший за этим балетом на дороге, так ни хрена и не понял. Один за другим, почти слившись, прозвучали три выстрела, после чего мой несостоявшийся убийца упал, заимев две дырки в груди и еще одну – во лбу, аккуратно над переносицей.

Я с шумом выдохнул солидную порцию воздуха – забыл, что нужно дышать, такое захватывающее передо мной развертывалось представление – и поспешил всосать свежего. После чего сиганул к своей, водительской, дверце и поспе-

шил достать из-под сиденья монтировку. В конце концов, на сцене присутствовали еще и два типка из «Вольво». Они хоть и изображали из себя статистов, но это все до поры, до времени. Вряд ли им понравилась скоропостижная кончина их могучего товарища. Вылезут и постараются исправить положение, копчиком клянусь. А в такой ситуации я буду чувствовать себя много уверенней, сжимая в руке монтировку. Хотя, если разобраться – что сможет моя монтировка против их пистолетов? А пистолеты у них всенепременно будут. И тем не менее...

Бэк моих душевных терзаний не разделял. Видимо, потому что относительно парочки из «Вольво» пребывал в блаженном неведении. Уложив гиганта, он крутанул «Берету» на пальце и картинно сдул со ствола несуществующий дым. Ковбой хренов. После чего поднялся и пошел ко мне, распахнув руки в жесте полнейшего недоумения.

– Мишок, ну елы-палы!.. – начал было он, но я не стал его слушать. Крепко сдавил в мозолистой руке монтировку и обернулся к «Вольво».

Тамошние обитатели уже выбирались наружу, безбожно путаясь в собственных конечностях и матерных словах. И того, и другого у них было в изобилии, и совладать со всем этим добром сразу было непросто. Но они таки справились. Выбрались наружу, выстроились по обе стороны машины и принялись вытаскивать из разных мест пистолеты.

Я, говорю, чего-то подобного ожидал, поэтому среагиро-

вал даже раньше, чем успел сообразить, что делаю. Взмахнул рукой и, как заядлый городошник, запустил монтировкой в того из них, что был проворней. Метко, между прочим, запустил. Угодил аккуратно в лоб. Сам от себя такого не ожидал.

Монтировка глухо, потому что плашмя, приложилась к голове шустрого, и тот с шорохом исчез в придорожной канаве. Следом, весело звеня, скатилось и мое орудие.

Второй хуцпан из «Вольво» не стал отвлекаться по пустякам, в какой-то резкой превратился его товарищ. Вместо этого поднял пистолет и направил его на меня. Стало несколько неуютно. Монтировка уже не грела. Если Бэк не сообразит, что к чему, мне хана. С другой стороны, хуцпана из «Вольво» я закрывал от Бэка собственным телом. Понятно, что не специально. Но ведь закрывал!

Бэк сообразил. И ему, как оказалось, было плевать, кого и чем я от него закрывал. Он выстрелил только раз, но угодил туда, куда обычно делают контрольный или пятнышко у индианки. В лоб. Вспомнился гигант. У него случилось такое же украшение, правда, после третьего выстрела. Сейчас Бэку хватило и одного. Правильно – ему ведь не пришлось предвзвешенно вываливаться из машины и кататься по асфальту. На всякий случай я покрылся холодным потом, пытаюсь вычислить, на каком расстоянии от меня пролетела пуля. Вычислялось хреново. Калькулятор в башке временно умер.

Сзади подкрался Бэк и положил руку мне на плечо. Я вздрогнул. Нервы.

– Хорошо стреляешь, – слова получились сиплыми, но ведь получились. Значит, еще не все героическое во мне отмерло.

– Обижаешь, елы-палы! – хохотнул он. – Я ж тебе рассказывал – я в сборную Союза три года подряд входил. А потом – жена, дети, три года условно... Только мастерство ведь не пропьешь, а?

– Кто бы спорил.

– Ладно, ты мне баки не заливай. Ты мне лучше расскажи, как это у тебя получилось. Я тебя видел двадцать минут назад – ты был живой и здоровый. Еду сейчас – ты почти труп. Ты чего такого натворил, что за тобой Маленького Борю послали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.